

- Может, пойдём? - спросил Тао Лин, но вспомнил, что Вэнь Цинъюн не может слышать, указал на дорогу впереди и небрежно сделал приглашающий жест.

Вэнь Цинъюн посмотрел на него и мягко кивнул. Однако он так и не двинулся с места. По дорожке между надгробиями мог пройти только один человек. Тао Лин на мгновение заколебался, но потом решил пойти вперед.

Идя друг за другом, они вместе пробирались сквозь невысокие кедровые деревья и проходили мимо могил. Выйдя на освещенный кладбищенский проспект, Тао Лин из вежливости замедлил шаги. Вэнь Цинъюн его догнал.

Они спустились по ступеням, вырезанным в склоне. Небо давно уже полностью потемнело. Слышны были только звуки ветра, как будто на кладбище остались только они вдвоем.

Вначале Тао Лин чувствовал себя несколько не в своей тарелке. В конце концов, спутник был для него чужим. Тао Лину не нравилось вести светские беседы ни о чем, но молчать при этом тоже показалось бы странным. Однако он вдруг вспомнил, что Вэнь Цинъюн был глухонемым. Его безмолвие отличалось от молчания других людей, так что, по крайней мере, неловкость между ними прошла.

Подумав об этом, Тао Лин расслабился.

Когда они подошли к выходу, Тао Лин по привычке направился к дальнему правому краю, подальше от будки, где дежурил кладбищенский охранник. Вэнь Цинъюн не обратил на это особого внимания и просто пошел за ним.

Только выйдя на улицу, Тао Лин задал вопрос.

Почему-то у него в голове возникла забавная сценка: Вэнь Цинъюн ехал в метро, и нижний край его блузы сзади застрял в дверях, потому что тот не слышал звонка, предупреждавшего, что двери закрываются. Две длинные руки качались в воздухе, а на его лице читалось мрачное и беспомощное выражение.

- Вам удобно пользоваться общественным транспортом? - Тао Лин поднял к нему свой телефон. В тот же самый миг он осознал, что Вэнь Цинъюн был очень высоким. По уровню глаз можно было предположить, что собеседник на полголовы выше его.

Вэнь Цинъюн кивнул, прочитав вопрос. Он тоже вытащил телефон и написал: «Но сегодня я не вернусь в город. Шэннусян отсюда очень близко, поэтому завтра утром я поеду туда, чтобы пополнить запасы».

Шэннусян была самой большой цветочной фермой в пределах города. За ней находился Старый Город с огромным цветочным рынком; все вместе считалось интересной живописной

местностью. Тао Лин иногда отправлялся туда, чтобы полюбоваться видами, после того как навещал Тао Цзюня.

В этот момент его лицо ничего не выражало, он просто подумал про себя: слабый телом, но твердый духом.

Вэнь Циньин, казалось, прочитал его мысли, потому что написал еще несколько слов и показал ему телефон: «У меня все хорошо, и я живу очень комфортно. Спасибо, мистер, за вашу заботу».

Тао Лин вежливо улыбнулся.

Закончив эту молчаливую беседу, они оба помахали друг другу на прощание. Тао Лин свернул на дорогу справа, чтобы сесть на автобус. Дойдя до автобусной остановки, он повернул голову и случайно увидел Вэнь Циньина, стоявшего на ближайшем светофоре.

Молодой человек остановился под огнями пешеходного перехода. Профиль у него выглядел мягким, фигура – высокой и прямой, слой тусклого света окутывал все его тело.

Вернувшись в город, Тао Лин второпях отправился поесть что-нибудь в кафе на первом этаже дома. Войдя в квартиру, он крикнул:

- Я вернулся!

Конечно же, никто ему не ответил.

Первым делом он – как всегда – разобрал e-мейлы с работы и после того, как сходил в душ, погладил одежду на завтра. Когда он залез под одеяло, его телефон внезапно завибрировал.

Это была его коллега и одноклассница, работавшая в школе иностранных языков. Она написала сообщение: «Лин-ге*, одолжи мне свой ID и номер банковской карты. Мне нужно представить счет по проекту». [Прим. англ. пер. Ге – просто суффикс со значением «старший брат», который употребляется, чтобы показать близость или уважение к парням старше вас, но из той же возрастной группы.]

Тао Лин едва взглянул на него, прежде чем ответить: «Нет».

Он небрежно прокрутил страничку Weibo и пролистал свои моменты в WeChat, чтобы убедиться: он по-прежнему современный человек с современными источниками информации, хотя там было много вещей, которые он понять не мог.

Он выключил телефон и, не двигаясь, лежал в постели.

Два часа спустя в раздражении Тао Лин откинул одеяло и резко сел.

Он так хотел спать. Так хотел спать, что, когда он зевнул, из глаз неудержимо хлынули слезы. Но, тем не менее, заснуть он не мог.

Он ведь думал, что после такой утомительной поездки на кладбище сможет ночью выспаться. Однако все те слова, которые он сказал Тао Цзюню, в конечном итоге потеряли всякий смысл.

- Тао Цзюнь, ты - отстой, - выругался Тао Лин, включил свет, надел очки, встал с кровати и взял со стола две книги, прежде чем снова забраться под одеяло.

Он не посмотрел на обложки книг, просто случайно открыл одну из них и увидел фразу, которую он сам когда-то написал: «Человек борется не только для того, чтобы осуществить свои амбиции, но и за то, чтобы не вести бессмысленную жизнь».

Какая чушь.

Он отбросил эту книгу и открыл другую. На глаза ему попала еще одна заметная фраза: «Некоторые люди используют одиночество, чтобы жить в мире людей».

Тао Лин держал эту книгу, некоторое время рассеянно смотрел на нее и выплюнул:

- И почему я так люблю каракули?

На мгновение он задумался, встал, устало бросил книги обратно на стол, натянул тапочки и отправился на поиски снотворного.

На следующий день ему опять пришлось разбираться с проблемами, связанными со вторым этапом вступительного экзамена в аспирантуру. Ему надо было составить списки с оценками и опубликовать их, затем разослать студентам онлайн-уведомления, чтобы подтвердить список зачисленных, и заняться остальными связанными с этим вопросами.

Перед тем, как днем отправиться на работу, Тао Лин сначала зашел в университетскую клинику. Специалист-невролог, с которым Тао Лин был знаком, приходила на сюда на прием только раз в неделю, а остальное время проводила в больнице за пределами кампуса. Ходить туда-обратно для нее было бы слишком хлопотно.

Но, к удивлению Тао Лина, на месте доктора еще не было, и ему пришлось сначала поговорить с другим врачом.

Услышав, что он хочет получить рецепт на снотворное, молодой врач от него отмахнулся.

- Учитель, наша клиника не так уж и велика. Я не могу так безрассудно прописывать вам снотворное. Может, вы зайдете сюда еще раз, когда доктор Бай придет на работу?

- Мне сейчас нужно идти работать, - сказал Тао Лин. - Я смогу зайти сюда только на следующей неделе. Вы можете мне помочь, просто выписав эти таблетки, а я проконсультируюсь у нее в следующий раз.

Врач задумался.

- Может, я вам сначала выпишу жаропонижающее?

- ...

Увидев вопросительный взгляд собеседника, Тао Лин беспомощно поправил очки.

- Тогда дайте мне лекарство от простуды - я заболел.

Когда закончился еще один день мучительной работы, Тао Лин пошел в туалет, прежде чем собрать свою сумку. Выйдя оттуда, он естественным образом направился к задней части зала религиоведения и выглянул из окна, расположенного в конце коридора.

Цветочный магазин на углу был открыт. В тот момент, когда Тао Лин на него посмотрел, около магазина припарковалась спортивная машина. Из машины вышла красивая молодая дама и вошла в магазин, цокая туфлями на шпильках.

Тао Лин прислонился к стеклу и покрутил кольцо одной рукой, лениво глядя на цветочный магазин. По отношению к магазину место, где он стоял, находилось выше. Обзор был закрыт навесом, и Тао Лин мог видеть только нижние части двух фигур.

Возможно, сейчас Вэнь Цинъин прикладывал все усилия, чтобы завернуть девушке цветы.

Постояв так некоторое время, Тао Лин обернулся и не смог увидеть последовавшую за этим сцену - девушка в ярости вылетела из магазина, ухитрившись по пути сбить несколько горшков с маргаритками, стоявших в дверном проеме.

Тао Лин собрал свою сумку и спустился по лестнице с пачкой случайных таблеток в руке, но на полдороге его остановил другой преподаватель, у которого были к нему вопросы. Спустя двадцать минут Тао Лин наконец-то вышел из университета.

Он перешел улицу, шагнул на тротуар и прямо перед собой увидел Вэнь Цинъина, сидящего на корточках у входа в цветочный магазин.

Вэнь Цинъин держал лопатку и черпал ею кучку земли, раскладывая ее в несколько маленьких цветочных горшков. Рядом с ним стояли китайские розы с засыпанными землей корнями, и валялась груда глиняных черепков.

- Что случилось? - спросил Тао Лин, подходя к нему.

Естественно, Вэнь Цинъин не отреагировал и по-прежнему сидел на корточках к нему спиной, занимаясь своими делами. Ноги у него были слишком длинными, и поэтому коленные чашечки становились более заметны, когда он приседал.

Тао Лин поддернул штанины и присел рядом с ним.

Когда в поле зрения появилась фигура другого человека, Вэнь Цинъин моргнул. Он поднял голову, но увидев, что это был Тао Лин, на мгновение остановился, прежде чем неожиданно улыбнуться.

Это был первый раз, когда Тао Лин увидел улыбку Вэнь Цинъина.

Раньше он думал, что большинство очень красивых людей не улыбаются, ведь улыбка нарушит гармонию черт их лица. Это либо должен быть бессмертный, спустившийся в этот низменный мир, либо у окружающих наступит трагедия разочарования.

Однако Вэнь Цинъин был другим.

Когда Вэнь Цинъин не улыбался, он выглядел умиротворенным, но в то же время неповторимым. В этот момент его глаза изогнулись в форме растущей луны, брови поднялись вверх, а уголки губ тоже слегка приподнялись, приоткрыв два маленьких зуба. Когда Вэнь Цинъин улыбался, он казался более живым.

Тао Лин вдруг почувствовал, как его глаза ослепил яркий свет.

Это можно было рассматривать как обмен приветствиями - очень неформальный и непринужденный обмен, но Тао Лин полагал, что это было сделано в весьма расслабляющей манере.

Вэнь Цинъин опустил голову и вернулся к своему занятию. Тао Лин проследил за его движениями. Его взгляд быстро скользнул мимо шеи, но в следующую секунду вернулся обратно.

Сбоку на шее Вэнь Цинъина осталось несколько темно-красных отметин. Кожа была разорвана, и, если смотреть внимательно, можно было даже крошечные сгустки крови. Казалось, что его кто-то поцарапал.

К черту это жаропонижающее. Сегодня надо было купить мазь с антибиотиком.

Тао Лин не выдержал и протянул руку.

Примечание автора:

Это выражение про осуществление амбиций взято из Сутры сорока двух глав. Ее можно также найти в Священных Писаниях Высочайшей Ясности*. Фраза об одиночестве взята из Шеньсянь Чжуань (Биографии божеств и бессмертных). [Прим. пер. Высочайшая ясность – это одна из школ даосизма. Интересно, что одной из первых ее лидеров была женщина – Вэй Хуацунь, жившая в III-IV в н.э. Занимаются медитацией, дыхательными упражнениями, физкультурой. Спасибо Википедии)))]

Прим. англ. пер.

Я забыла упомянуть, что Yi Wan Yue Guang интеллектуалка, действительно образованная женщина, хе-хе. В следующих главах наверняка будет больше аллюзий и цитат из книг и стихов и т.п.

<http://bllate.org/book/13907/1225696>